

Рая позвонила вечером озабоченная. Нурычу, оказывается, задали по русскому языку выучить стихотворение современного автора. Он это дело волянил допоздна – на том основании, что «а где я его возьму».

Рая обшарила полки, убедилась, что все или не поэты, или померли, и позвонила мне.

Я сразу предложил Эдуарда Успенского. По этому поводу малость пободались: у Успенского стихов мало – у Успенского стихов много, они для дошкольников – они не для дошкольников.

Тут Рая сказала главное:

– Время восемь, он выучить не успеет просто. А что помнит – совсем детский сад.

Не поспоришь, решил я. Но отчаиваться было рано.

– О! А давай Летова. Он же его хорошо помнит.

– «Нас из жопы высрут вон»? – предположила Рая.

– Ну хотя бы. А лучше что-нибудь из «Звездопада». Там как раз куча песен современных авторов – Летов же не свое там поет. Окуджава там, Анчаров...

– Думаешь, он помнит? – с сомнением поинтересовалась Рая.

– Ну ты спроси. Да он вообще все помнит.

– Кроме уроков.

Повода для споров не было. Все правда – и помнит, и кроме уроков. Но жена все равно заспорила:

– Ну как это песню как стих рассказывать? Видно же, что песня.

– Только, только, только, только этого мало, – процитировал я. – Тарковский, между прочим.

Не убедил, похоже. Во-первых, Нурыч, надеюсь, и не знает, что такое Ротару. Надо же хоть на что-то надеяться. Во-вторых, ну Тарковский, ну и что? Стыдно – не стыдно, но если ничего, кроме «только этого мало», у поэта не знаешь, то и цитировать не след.

Но исходные условия-то остались – времени и ресурсов мало, танцуем с тем, что есть.

Сначала танцевали под «Звездопад». Это такой альбом «Гражданской обороны», классики «сибирского панка»,

который всегда любил поковыряться в прошлом. Егор Летов, как наиболее видный представитель этого течения, был особенно активен в этом направлении и перепевал старые советские песни еще в 80-е, задолго до того, как это стало модным новогодним трендом. Правда, тогда он делал это с издевкой, упираясь в гимны Сталину, туповатые речовки и дембельские трехаккордные полотна. Были, конечно, исключения типа «Тумана» из «Хроники пикирующего бомбардировщика» – она у Летова получилась сильно лучше, чем оригинальное исполнение в фильме. Но исключение – оно и есть. Летов вон и «Черного ворона» роскошно спел – но не его же Нурычу декламировать?

К «Звездопаду» Летов подошел всерьез, как к потерянной родине. Подобрал или малоизвестный материал вроде Анчарова, или проходную для Окуджавы «Песню красноармейца» из никакого фильма «Кортик» (фильм по Рыбакову был не один, и каждый был никаким), либо затасканные и вышученные за сорок лет эстрадные номера – «Город детства», помню, еще Майк Науменко обстывал («А кассирша Эдита Пьеха отвечает: “Билетов нет”»). И спел мощно, на нерве, душе под дых.

Я этот альбом слушал часто, семья тоже – куда ей деваться-то. Вот Нурыч и запомнил. Все. Нет проблемы. Ай да мы.

А вот ни фиги не «ай да». Я принялся вспоминать трек-лист альбома и предлагать Рае варианты. Но как только она осведомлялась у сына: «Нурислам, ты “Вслепую пушка лупит” помнишь?» – я тут же заявлял:

– Ой, не пойдет...

– Почему?

– Ну при чем тут красноармейцы?

– А что? Красноармейцы. Очень хорошо.

– Замечательно просто. Кто у него в классе знает, кто такие красноармейцы? И учительница повесится. Потом,

Окуджава же умер. Или это неважно? Что значит современный автор – что он жив или что современник?

Попинав тему несколько минут, мы с Раюхой ни к чему не пришли. Двинулись дальше по трек-листу – и ничего не нашли.

– Да ну на фиг, – сказала Рая. – Давай лучше Заходера или Успенского. И детские, и их он учил хотя бы.

– Ну давай, – сказал я и отрубился.

Минут через пять перезвонил, чтобы уточнить, все ли живы. Выяснилось, что пока да, но без гарантии. Нурыч помнил множество стихов, в том числе довольно разухабистых («Сидел на ветке дятел, досиделся – спятил, схватил мою подушку – раз-лох-матил. Вот сижу теперь я, собираю перья»), но предлагать их ладно бы классу – учительнице в качестве образца современной поэзии было странно. Хотя Нурыч был готов, конечно. Пока мы беседовали с Раюхой, в трубку то и дело врываются слабомелодичные завывания на тему советской патриотической песни 60-х. На два голоса – Динка в меру легких подтягивала.

Это меня не сбilo, а накрыло сенью мысли.

– Во! – сказал я.

– Чего? – настороженно спросила Рая.

– «Лошади умеют плавать...»

– Да? – с сомнением сказала супруга.

– Ну. Стих классный, запоминается махом.

– А написал кто?

– Слуцкий. Он умер, да. Так ну их в жопу уже с этим. Не средневековый же поэт – значит, современный.

– А он у нас есть?

– Ну, во-первых, я и так помню. Во-вторых, сейчас найду, распечатаю, принесу. А, поздно уже будет? Ладно, продиктую, а ты запишешь, если что. Потом, дома точно есть – в самодельной такой большой книге, из выдирок из «Огонька».

Рая поискала самоделку и не нашла, я пошарил в интернете и нашел. И начал диктовать, жена работала репродуктором.

– Лошади умеют плавать. Точка. Пишешь, Нурислам? Но не хорошо, не далеко. Написал? Ладно, давай я, а ты потом сам не разберешь, что написал. Погоди секунду, Шамиль. Все, готова. Как там дальше? «Глория» по-русски значит «слава»? Помню ведь. Ага...

Дописала, я отрубился, они начали учить.

Я перезвонил минут через десять – чтобы узнать: опять ничего не выходит.

– Не запомнит он. Собьется.

– Совсем никак?

– Ну... читает, конечно. Но не понимает ничего. Сидит, ножкой болтает и противным голосом: «Тыща лошадей, подков четыре тыщи...» Не зацепило. С другой стороны, что ему эти лошади, Шамиль? Маленький еще. И перескакивает все время, конечно. Не запоминает. Длинно все-таки очень.

– Длинно, – сказал я. – Во!

– Чего?

– «Доплыви».

– И как назвать автора? Поэт «Черный Лукич»?

– Зачем? Вадим Кузьмин. Все условия: современный, поэт, стих классный. Не про красноармейцев. И у меня в ноутбуке слова уже есть.

– Да он же петь будет.

– Не. Он, кажется, «Лукича» и не слышал толком.

Я был в этом почти уверен, потому что «Черного Лукича» (он в свое время был собратом Летова по «сибирскому панку», а потом ушел в написание очень светлых, прозрачных и истинных каких-то песенок) открыл для себя парой недель раньше, сильно на него запал, но слушал только с ноутбука – потому что были только трз-файлы. И, соответственно, в наушниках. Раю, конечно, мое увле-

чение зацепило, хоть и не до крови: парой песен я ее заставил насладиться. Детей спасал поздний час: я общался с музыкой перед сном, сильно после полуночи.

– Да ладно, пока мы найдем. Диктуй, – сказал Рая после короткого раздумья.

– Пиши. Будет темная ночь после долгих боев. Запятая...

Перезванивать я уже не стал: работа затянула. Да и чего там беспокоиться – учить три строфы совсем простеньких. Если уж и с ними не сладит, то можно не беспокоиться за будущее наследника, а хладнокровно вить себе петельку.

Домой я приехал совсем в ночи, дети, как всегда, спали. Сонные какие-то они у меня.

– Ну как?

– Выучили вроде, – сказала Рая неохотно.

– Что не так?

– Да нет, все нормально. Просто я на кухне была, а он в зале учил. Сначала, конечно, кривлялся. То бубнит, то петь начинает, как любит, – клоунским голосом. Весело человеку. Я пару минут потерпела, а потом к нему подошла и говорю: «Нурик, ты представь. Ночь. Темнота. Холодное море. Все погибли. Только один моряк выжил – и плывет. Берегов не видно, ничего не видно, только звезды блестят. А он плывет. Представь. И только после этого читай».

Он выслушал, покивал. Я на кухню опять ушла. Надолго, думаю, не хватит, сейчас опять кривляться начнет. А он притих. Бубнил под нос, бубнил. А потом читать начал. Очень правильно так, с чувством. На последних словах, знаешь, прямо голос зазвенел. Я к нему обернулась, хотела заплодировать. А он сморщился весь, лицо с кулачок, волосы торчат, глаза мокрые. И говорит: «Мама, он же все равно не доплывет. Утонет. Как эти лошади утонули. Все погибают всегда». И ревет уже в силу.

Я все бросила, к нему подбежала, обняла. Сама чуть не реву. Говорю: «Нурик, он выплывет. Или до берега доберет-

ся, или наш корабль придет спасти и его поднимет. Что ты. Это же реальный случай. И песня как раз про это – как человек не сдался и победил». «Правда?» – спрашивает. И с такой надеждой смотрит. Я говорю: «Когда я тебе врал?»

– Вот бедолага, – сказал я, потому что не знал, что сказать.

– Да вообще. В общем, он успокоился и спать пошел.

– По ходу, если он так прочитает, его на какой-нибудь федеральный конкурс чтецов ушлют, – предположил я.

– Пряма, – сказала Рая. – Ты переоцениваешь школьные олимпиады. Не отругают, и ладно.

Я забеспокоился – эта возможность в голову как-то не приходила. А потом ожесточился.

– Блин, Рая! А что ему, Успенского в пятом классе декламировать? Или Барто? Пусть хоть один человек нормальный стих расскажет.

– Пусть, пусть. Завелся. Шамиль.

– Что?

– А он правда выплыл?

Вот песня «Лукича»:

*Будет темная ночь после долгих боев,
Броненосец сгорит и под воду уйдет;
Поплывут по волнам, по бескрайним морям
Бескозырки к далеким родным берегам.*

*Не сумел утонуть одинокий матрос,
Продолжает он плыть в край, где много берез.
Все уснули давно в километрах глубин,
Никого, ничего, он остался один.*

*Кто сказал, что нельзя переплыть океан?
Это грустная шутка, это хитрый обман.*

Я сумею доплыть под сиянием звезд,
Я хочу увидеть край, где много берез.

А вот завершение истории.

Никуда Нурислама, конечно, не отправили. Учительница сухо поблагодарила его и велела к районному смотру разучить другой стих, предусмотрительно распечатанный двенадцатым кеглем. Нурыч добросовестно выучил, прочитал – и на этом все успокоились. Еще бы. Посмотрел я этот стих. Что-то про качнувшуюся ветвь, которая напомнила лирической героине о набегах злой Орды. Отдаю должное чувству юмора и меры учительницы.

Но это не важно. Другое важно: Нурыч написал концовку «Доплыви». На следующий же день.

И вот она:

Но вот вдали что-то блеснуло слегка.

Жаль, но это мираж наверняка.

Но вот блеснуло снова

И ближе намного.

Матрос тот поплыл посмотреть.

Он видит корабль, огромный корабль,

Ему помогают залезть.

Оказалось, что выжил только он.

И вновь он услышал тот самый звон.

Теперь не помешает ни один шквал гроз

Доплыть друзьям в край, где много берез.

Ведь теперь никто уже не может твердить,

Что океан нельзя переплыть.

23 декабря 2005 года (дописано 16 февраля 2006 года)